

№ 14

PARIS, 19 JUILLET 1947

Prix: 12 frs.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

La
Pensée Russe
HEBDOMADAIRE

Rédacteur en chef
VLADIMIR LAZAREVSKI
Directeur responsable
CHRISTIAN BRUNET

Адрес Редакции и Конторы: 11-bis, rue Roqueline, Paris 8-e
Прием по делам Редакции ежедневно, кроме субботы, от 10 до 12 ч.

●● ПАРИЖ, 19 ИЮЛЯ 1947 ●●

Прием по делам Конторы ежедневно, кроме праздников и понедельников, от 11 до 13 часов. Téléph. : ANJou 06-20.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

ИВ. ШМЕЛЕВ.

„Мисюсь“ и „Рыбий глаз“

ПИСЬМО О РУССКИХ ЖЕНЩИНАХ

...Рѣдко я отвѣчаю читателям, но вам отвѣчу: вы иностранец, а дѣло тут о нашем большом писателе.

В рассказѣ А. Чехова «Дом с мезонином», названном в нѣмецком переводѣ — «Мисюсь», вскрывается очень важное, — о мироощущениях и путях жизни: по уму, и по сердцу; и читателю образно открывается, какому пути отвѣчает художественная правда Чехова.

Вы заключаете, что Чехов признает правоту Лиды. Я попытаюсь показать, что это не отвѣчает художественной правдѣ рассказа.

В послѣсловіи к сборнику — «А. Чехов»*) я привел одну из сцен рассказа, гдѣ намекается чеховская правда; а яснѣй она проступает в послѣдней сценѣ художника-пейзажиста с Лидой, и в «диктовкѣ».

Можно ли приписать чуткому Чехову, что он признает правоту за Лидой? правоту ея отношенія к свободѣ чувства, духа? Чехов и имя-то ей дал, хладно звучащее по-русски: сочетание в ея имени «Л» и «Д», дающее звуковое впечатление холода. И, дѣйствительно, Лида в рассказѣ — «леденая»; нѣмцы зовут таких «рыбий глаз», «фиш-ауге». На такой «лидѣ» поскользнешься, из «рыбьяго глаза» их вѣет мертвящим холодом.

Как дал Чехов Лиду в послѣдней сценѣ? Дал окаррикатуренной, усмѣшливым взглядом скользящей по ней.

Что сдѣлала Лида? Расправилась с судьбой сестры, — с полуребенком «Мисюсь», и с матерью. Она давно запугала их, придавила своим авторитетом, властью, «умом»; и онѣ вручили ей покорно свою волю. Онѣ до того подавлены «диктатурой» Лиды, что даже в важном вопросѣ личной жизни, гдѣ рѣшалась судьба «Мисюсь», ея счастье с любимым человеком, онѣ рабски покорны ей: Лида куда-то их убрала, распорядилась ими, как багажом, — отправила куда-то, срочно. Она за «Мисюсь» рѣшила, «своим умом»,

что для «Мисюсь» счастья с художником-пейзажистом быть не может, и самовластно распорядилась судьбой сестренки. Срочно-нежданно выпроводила ее из дома, без всяких объясненій с влюбленным в нее художником, и твердо увѣрена, что так, именно, и надо: она знает, что дѣлает, ибо она в с е знает. Разбила родное счастье, и до того спокойна, что может тянуть рутинное, — обычную в ея распisanіи «диктовку». По ней, это означает: дѣлать дѣло, выполнять долг, у ч и т ь. При таком разгромѣ семьи — диктовка! Не ясная ли усмѣшка Чехова?! — заставить Лиду диктовать деревенской ученицѣ басню Крылова — «Ворона и Лисица»: о глупости и тщеславіи. По баснѣ, Ворона осталась «в-дураках»; по рассказу — осталась «в-дура» самоувѣренная Лида. Тут — прикровенно вынесенный ей вердикт. Одним словечком «ворона» Чехов дал всю ее, с вороньим ея умишком, с ея самолюбованием: усмѣшкой скользнул по ней. И читатель обязан понять эту усмѣшку: этого требует искусство.

Мало того: Чехов, в концѣ рассказа, пріоткрывает, с кѣм он душой, и подает надежду — в словах рассказчика-пейзажиста, — на в с т р ѣ ч у с утраченной «Мисюсь», — тонким упоминаніем «з е л е н а г о свѣта» в мезонинѣ, этого «грюнэ лихт», — цвѣтъ надежды! Нѣжная грусть этого «конца» не может обмануть читателя в выводѣ, с к ѣ м же Чехов. Надо только у м ѣ т ь читать; а это немалое искусство, особенно для читателей нерусских: Чехов и свои-то вполне не знают: слишком он прикровенно-цѣло-мудрен.

В этом небольшом рассказѣ дано большое, — показаны два міротношенія, два пути творить жизнь: хладным умом, «надуманно», и — вдохновенно вслушиваясь в с е р д ц е. Впослѣдствіи я ограничился намеком, указав на глубокий библейскій символ — «Два Древа». Читатель сам наполнит намѣченные формы: Чехов дал в с е для этого, своим мастерским искусством.

Что такое «Лида», в русской жизни? Рѣдкій довольно образец, каррикатурно дававшийся литературой нашей: так этот тип несвой-

ствен характеру русской женщины.

Русская женщина, русская дѣвушка... — носят в себѣ великій дар: большое сердце, тревожно-чуткое. Русская женщина... — нѣжна, мечтательна, жертвенна, принимает жизнь, как священное. Это она творит жизнь, это она выносит бремя испытаній, хранит «соль жизни». Наша литература ею прославлена. Сколько чарующих образов матерей, жен, бабушек, нянь, сестер, невѣст... — у Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Толстого, Лѣскова, Чехова, Мельникова-Печерскаго... и, конечно, у нашего Солнца — Пушкина! Есть и «Лиды», но почти всѣ онѣ подчеркнуты, окаррикатурены, — онѣ как бы сбрасываются с жизненнаго счета. «Русская женщина» — у иностранцев — получает значеніе особености — душевной сложности, загадочности, неопредѣленности, как и пресловутое именованіе — «ам с л я в», — и это свидѣтельствует о п а л и ч і и ч е г о - т о, еще непонятнаго, неузнаннаго, что — в н ѣ привычных мѣрок. Быть может этим «чѣм-то» — творчество жизни с е р д ц е м? — и отмѣчается предназначенье наше — о с в ѣ т и т ь и о б н о в и т ь Жизнь? о с в я т и т ь е е?!.. Это завѣтное таится в большой литературѣ нашей в исканіи нами Идеала. Мы не миримся с привычным сущим, мы ждем и — и щ е м.

И так понятно, что чуткій Чехов, как и его пейзажист-рассказчик, грустит по утраченной «Мисюсь» и призывает ее — «Мисюсь, гдѣ ты?..»

А «Лиды»... — таких — баб — народ называет «дуботолками», про таких шутки шутят, как, наприм., про упрямую старуху, которая, в трясинѣ, хоть высунутой рукой кричит и кричит свое «стры-жено!..» — и стрижет пальцами: «н е брито». Таких народ зовет мѣтко — «голова воронья». Им хоть кол на головѣ теши, онѣ все свое будут дуботолить. Вот, про «ворону»-то и Чехов...

Эти «лиды» — маленькія и узкія, с усохшим сердцем, упрямья. Их когда-то именovali кличкой — «синій чулок», «передовая». От такой-то «передовой», педантки, сбѣжал в приключенія герой чеховскаго рассказа «Дама с собачкой». Такія безплодят жизнь и никогда ничего не создают. Такія всплывают в революціи, и тут онѣ прямолинейно-тупы, нерѣдко одержимы. Людей будут годы удушать, вгонять в надуман-

ныя формы, гнуть в дугу по придуманному плану, а «рыбий глаз», как ни в чем ни бывало, будут продолжать: «Во-ро-нѣ.. гдѣ-то... Во-ро-нѣ...» Написала?..»

Пушкин сказал: «глупец один не измѣняется...» Он был умен, свободен — и «измѣнялся». Тоже и Чехов. Раціоналист, он нашел силу о т к р ы т ь с е б я. Его «Дом с мезонином» не был глубинно понят, как и немалое из его твореній. Вдумайтесь, каков его суд над ему подобными, — над профессором, в «Скудной исторіи», над Рагиным, в «Палатѣ № 6»?! Оба — врачи, как он.

«Рыбьему глазу» все равно: он и в трагическом будет долбить свое «воронье», спокойный, увѣренный, что дѣлает важное для жизни: будет диктовать «Ворону», будет диктовать и из преис-курапта, и из «политической программы». К счастью для русской женщины, политика не берет ее: это область малаго ума, — не Разума, не с е р д ц а. Русская женщина призвана творить, а не мёртвить жизнь: она — сама Жизнь, с в я щ е н н о е.

Вот почему так притягательна власть нашей большой литературы, которая мало еще понятна міру, несмотря на интерес к ней: она зовет к священному творчеству жизни, показывая созидающія силы. Твѣрит разумом сердца, творит даже через этих «Мисюсь-полудѣтей...» Такія-то, чистыя, с большими, открытыми на мір глазами, и выносят тяготы жизни. Для таких «Мисюсь» — жизнь есть нѣкое таинство, и онѣ, как евангельская Марія, живут в себѣ, внутренним созерцаніем, и это внутреннее, без думы о нем даже, проводят в жизнь. И этим живут ее. Без них — оледенѣет она, становится — как «рыбий глаз».

Іюнь, 1947.

Ив. Шмелев.

*) Anton Tschechow. Meistererzählungen. Herausgegeben von Iwan Schmelfew. Manesse Verlag, Zürich 1946.